Тенденции Московского свода конца XV века подтверждают это предположение. После 1479 года характер этого свода нисколько не меняется; перед нами столь же детальное изложение важнейших событий политической истории Русского государства, сделанное с таких же официальных позиций, как и в части до 1479 года. Подробно изложены важнейшие военные действия этого периода — война с „немцами" (Ливонским орденом), татарами; систематически освещаются дипломатические сношения Русского государства с другими странами — миссия Ф. Курицына в Венгрию, сношения с римским (германским) императором, Литвой, Крымом, „Иверской землей" (Грузией) и т. д.

Особенно ясно обнаруживаются тенденции Московского свода при сравнении его с другими летописями за эти же годы. Возможности для такого сравнения дают Типографская (основной текст), Софийская II — Львовская (до 1489 года) и некоторые другие летописи. В Типографской летописи, как мы уже знаем, отразился некий неофициальный свод, связанный с Ростовом и доходящий до 1484 года; в Софийской II—Львовской вплоть до 1489 года читаются известия летописи, близкой к митрополиту Геронтию. Отсюда — возможность сопоставления параллельных известий.

Процесс образования Русского централизованного государства не был еще завершен к 1480 году; в течение ряда лет Ивану III предстояло еще вести жестокую борьбу с остатками новгородского сепаратизма; лишь в 1485 году к Русскому государству была присоединена Тверь. Неофициальное летописание приводит ряд подробностей этой борьбы — подробностей, освещение которых не всегда было приятно государственной власти. Типографская летопись, осуждавшая прежнего новгородского владыку Феофила за то, что тот не хотел, „чтобы Новгород был за великим князем",[1] тем не менее не очень сочувствовала репрессивным мероприятиям великого князя в Новгороде. Она с явным неодобрением рассказывала, как Иван III „мучил" и „грабил" новгородских бояр, арестованных по „обговору"; в отместку за это, по ее словам, недовольные новгородцы „волшевством" „ум отъяша" у нового владыки Сергия — ставленника Москвы.[2] Софийская II — Львовская летопись, полностью повторившая известия Типографской о репрессиях в Новгороде,[3] еще более усилила их оппозиционный характер, опустив осудительную оценку Феофила и с сочувствием сообщив, что этот владыка „нужею великого князя" оставил епископство „в заточении сидя"; под 1489 годом здесь сообщается о новых высылках и казнях в Новгороде „обговору деля".[4] В Московском своде обо всем этом говорится совершенно иначе. О репрессиях в Новгороде здесь сообщается кратко и сдержанно, причем подчеркивается, что выселенным боярам Иван III „подавал поместья в Москве под городом" и лишь „бояр, которые крамолу держали от него, тех велел заточить в тюрмы по городем". Деликатный вопрос о сумасшествии архиепископа Сергия здесь совсем обойден.[5]

Так же обстоит дело и с вопросом о присоединении Твери. Софийская II—Львовская летопись, рассказывая о последних днях

---

[1] ПСРЛ, XXIV, стр. 198.
[2] ПСРЛ, XXIV, стр. 203.
[3] ПСРЛ, VI, стр. 235—236; XX, стр. 350—351.
[4] ПСРЛ, VI, стр. 235; 238—239; XX, стр. 349—350, 353—354.
[5] ПСРЛ, XXV, стр. 329—330 (Погод. 1409, л. 131 об.). Рассказ о выводе „житьих людей" в 1489 году в Московском своде не сохранился из-за пропуска листа (ПСРЛ, XXV, стр. 331, сноска); ср.: Погод. 1409, л. 134.